

XXIII. КРУГОЗОР УЧЕНОГО И ПУБЛИЦИСТА

Одно из юношеских писем Чернышевского к родным ясно свидетельствует, как рано стал он понимать особенную важность для жизни общества таких наук, как история, политическая экономия и философия.

Узнав в 1849 году от родных, что в Казанском университете, где учился тогда его двоюродный брат А. Н. Пыпин, введено преподавание политической экономии, Чернышевский пишет им 22 ноября следующие знаменательные строки: «Что у них прибавили политическую экономию, это чудесно, потому что теперь она и история (то-есть и то и другое, как приложение философии, и вместе главные опоры, источники для философии) стоят теперь во главе всех наук. Без политической экономии теперь нельзя шагу ступить в научном мире. И это не то, что мода, как говорят иные, нет, вопросы политико-экономические действительно теперь стоят на первом плане и в теории, и на практике, то-есть и в науке, и в жизни государственной».

Трудно сказать, какой из дисциплин в этой триаде отдал бы он предпочтение. В его представлении они были как бы неразрывно слиты, поскольку история

и политическая экономия, как говорит он сам, суть «главные опоры и источники для философии».

История издавна была одною из самых любимых Чернышевским областей человеческого знания. Уже в его семинарских сочинениях сказывалось необыкновенное богатство исторических сведений. Не менее усердно продолжал он заниматься изучением исторических вопросов и в университетские годы.

«Можно не знать, не чувствовать влечения к изучению математики, греческого или латинского языков, химии, — писал позднее в одной из статей Чернышевский, — можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно».

Интерес к этим наукам никогда не был у Чернышевского самоцелью. Не просто накопление знаний интересовало его, а применение этих богатств для лучшего и всестороннего понимания современной действительности, для выработки последовательно революционной теории, без помощи которой он не представлял себе успешной борьбы за светлое будущее родины.

Задачи передового историка, экономиста, философа, литератора или публициста в глазах Чернышевского были одинаковы в том смысле, что они должны были прежде всего служить интересам народа, делу развития общества, делу революции.

Эта направленность к определенной цели, последовательность и ясность позиций отразились на каждой странице его литературных, исторических, философских, политико-экономических и публицистических работ, как бы связуя их в нечто цельное и придавая им характер стройного единства.

При этом работы его в каждой из названных областей стояли на высшем уровне современной ему обще-

ственно-политической мысли, являлись новым словом в ней.

Чернышевский относился одинаково отрицательно как к «искусству для искусства», так и к «науке для науки», требуя и от художников и от ученых активного способствования развитию общества.

«...Каждое знание, — писал он в статье о сочинениях Грановского, — обращается во благо человеку, и рвение, с которым разрабатывается та или другая отрасль науки, зависит от того, в какой мере удовлетворяет она той или другой, нравственной или житейской, умственной или материальной, потребности человека. Каждое знание оказывает влияние на жизнь, и история, наука о жизни человечества, не должна остаться без влияния на его жизнь...»

Главный тезис эстетического кодекса Чернышевского о необходимости вынесения писателем-мыслителем приговора изображаемым явлениям действительности совершенно созвучен тому, что говорил он и о задачах историка-мыслителя «Первая задача истории, — указывает он, — воспроизвести жизнь, вторая, исполняемая не всеми историками, — объяснить ее; не заботясь о второй задаче, историк остается простым летописцем, и его произведение — только материал для историка или чтение для удовлетворения любопытства; думая о второй задаче, историк становится мыслителем, и его творение приобретает чрез это научное достоинство».

В статье «Г. Чичерин как публицист» (1859 г.) Чернышевский дал блестящую отповедь этому реакционному защитнику мнимой объективности в науке, показав, что историческое беспристрастие и «объективизм» на деле являются лишь маской, под которой идеологи антинародных партий проводят свои классовые

во близкие им взгляды и теории. «Реакционеры, — говорит он, — называют историка беспристрастным тогда, когда он доказывает, что старинный порядок вещей был хорош...»

В противовес тем, кто толковал о надклассовой исторической науке, о надклассовой философии или о «беспристрастной» публицистике, Чернышевский прямо заявлял, что «ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения».

Но тогда стирается грань между наукой и публицистикой, тогда наука становится служанкою злободневных нужд общества, — возражали ему сторонники «объективизма», сторонники «бесстрастного» подхода к историческому прошлому

На это Чернышевский отвечал, что обязанность историка не в том, чтобы, садясь за свой рабочий стол, забывать свои убеждения, — нет, это делать глупо и гадко, да и не удастся никогда сделать этого. Но ученый в своем кабинете может возвышаться над мимолетными интересами дня, господствующими над мыслью публики, может заботиться о том, чтобы не отвлекаться от общих долговечных интересов своей партии ради ее мелочных обыденных надобностей.

Подлинная объективность и беспристрастие историка зависят от того, стоит ли он на передовых, прогрессивных позициях или является защитником рутины и застоя, сознательно искажающим факты и фальсифицирующим историю.

Эту точку зрения Чернышевский распространял, понимаете, и на политическую экономию и на философию. Он отстаивал ее и в самых ранних своих рецензиях и в позднейших работах. Так, в отзыве на книгу

А. Львова «О земле, как элементе богатства» («Современник», 1854 г.) Чернышевский, искусно минуя цензурные преграды, неопровержимо доказывал, что именно классовые пристрастия авторов буржуазных политико-экономических теорий были одной из главных причин, замедливших естественное и успешное развитие этой науки.

Вот ход его доказательств. «Исследователь истины должен искать только истины, а не того, чтобы истина была такова, а не инакова; он не должен содрогаться от мысли о том, что получится в ответ. Математику все равно, положительное или отрицательное количество получится в результате; ему всякий вывод хорош и мил, лишь бы только был истинен. Положение того, кто исследует исторические и, тем более, политико-экономические вопросы, совершенно не таково. Он не может не желать *благоприятного* ответа. Желание не может не иметь влияния на вывод. Куда хочется придти, туда тянет идти.

Если мы не имеем возможности, то не имеем и права не желать благого для человека. Пусть эта любовь замедляет путь к строгой истине; без нее мы и не пошли бы к истине: кто не любит человека, тот не будет и думать о человеке. Но есть другого рода привязанность, мелочная, жалкая в деле науки: это — привязанность к своим личным выгодам и к выгодам своих одноклассников¹, хотя бы они находились в противоположности с благом народа и государства. А этим пристрастием большая часть людей скованы в своих суждениях и исследованиях».

---

¹ Чрезвычайно остроумно придуманный Чернышевским «цензурный» термин для определения классового своекорыстия идеологов буржуазно-дворянского общества.

Именно классовое своекорыстие авторов господствовавших тогда политико-экономических теорий тормозило развитие этой науки, тянуло ее назад. Обличая западноевропейских буржуазных экономистов, «загрязняющих» науку, — всех этих Бастиа, Росси, Шевалье и других, — Чернышевский замечает, что они сильны лишь в одном искусстве, в искусстве «говорить только о том и только то, что полезно для них самих и для их однокашников». Это «искусство», по словам Чернышевского, состояло в том, чтобы «для отвлечения науки от других вопросов переисследовать уже давно решенное, по мере возможности сглаживать в решении то, от чего еще могут поперхнуться их однокашники, и, по мере способностей, доказывать, что фабричному рабочему жить лучше, нежели фабриканту».

В статье «Антропологический принцип в философии» (1860 г.) Чернышевский также вскрывает классовую природу философских систем конца XVIII и начала XIX века, указывая, что «политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий. »

Весь первый раздел этого замечательного труда Чернышевского посвящен доказательству того, что философия является дочерью «эпохи и нации, среди которой возникает», что философские теории всегда служат «отголосками исторической борьбы, имеют целью задержать или ускорить ход событий».

Так было в глубокой древности, так было в новое время, тому же закону подчинена и современная наука. На ряде примеров виднейших западноевропейских

и русских философов и историков Чернышевский неоднократно иллюстрировал эту мысль, определяя, кто из них был абсолютистом, кто республиканцем, кто либералом, кто революционным демократом, кто защитником дворянства, кто поборником 'допетровской Руси. «Живой человек, — писал он, — не может не иметь сильных убеждений. От этих убеждений не отделается он, что бы ни стал делать: писать историю или статистику, фельетон или повесть...»

Основные исторические работы Чернышевского посвящены истории Франции конца XVIII и начала XIX века. Это может показаться парадоксальным на первый поверхностный взгляд. Мы знаем великую силу патриотизма Чернышевского, знаем, как беззаветно, преданно и страстно любил он родной народ; мы знаем, наконец, его собственные высказывания о том, что «русская история, важнейшая для нас, как своя родная, с тем вместе есть самая привлекательная для неутомимых исследователей и потому, что обещает самое обильное поле для новых открытий, самостоятельных взглядов...»

Уже эти слова показывают, что он понимал, как невозделанно еще поле отечественной истории и сколько предстоит здесь потрудиться. Ведь до последнего времени, говорит он, «между людьми, занимавшимися русскою историею и изучением русской народности, было очень мало ученых в истинном смысле слова. Эти отрасли знания возделывались у нас дилетантами, которые не могли удовлетворить не только потребностям нынешней, но и современной им науки».

А ведь Чернышевскому была близка и понятна «высокая народная гордость, живущая в каждом из нас» Он любил поднимать целину науки и еще в молодые годы мечтал о том, что внесет в нее элемент сла-

вянский, «двинет человечество по дороге несколько новой».

Однако, сознательно подчиняя свои научные интересы делу борьбы за благо родного народа, Чернышевский брался за перо, чтобы писать не об отечественной истории, а о борьбе партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X, об ученой и административной деятельности французского экономиста XVIII века Тюрго, об июльской монархии и т. д.

Вынужденный чаще всего изъясняться эзоповским языком, тут он получал хоть и относительную, но все же несколько бóльшую свободу. А это было уже много в тех цензурных условиях, которые заставляли великого ученого и мыслителя питать особое, как он выразился однажды, пристрастие к употреблению «парабол»: «Меня упрекают за любовь к употреблению парабол. Я не спорю, прямая речь, действительно, лучше всяких приточных сказаний, но против собственной натуры, и, что еще важнее, против натуры обстоятельств идти нельзя, и потому я останусь верен своему любимому способу объяснений...»

Анализируя исторические события в «чужеземных» странах, Чернышевский мог иногда изменять этому «любимому» способу объяснений. И он блестяще использовал подобную возможность в ряде статей, хотя и тут красный карандаш цензора пресекал иногда его рассуждения или нещадно уродовал их.

Двумя статьями о Кавеньяке был начат в «Современнике» в 1858 году цикл замечательных исторических работ Чернышевского. Названные статьи были приурочены им как раз к десятилетию буржуазно-демократической революции 1848 года во Франции. «Западные» дела интересовали Чернышевского не сами по себе. В центре его внимания в то время стояли

животрепещущие темы, касавшиеся русской действительности (именно с 1858 года в «Современнике» из номера в номер печатались его статьи по крестьянскому вопросу). Но на примере минувших революционных событий во Франции Чернышевский хотел наглядно показать передовым русским читателям, что ход исторического развития определяется непреложными законами классовой борьбы.

По тонкости и глубине классового анализа работа о Кавеньяке — одно из наиболее сильных произведений Чернышевского. В ней ясно показано подлинное лицо «умеренных республиканцев» и их вождя Кавеньяка, потопившего в крови восстание парижских рабочих. Чернышевский детально прослеживает главные этапы революции 1848 года во Франции и клеймит нерешительность и боязливость мелкобуржуазных французских демократов.

Подводя итоги своего анализа, в конце статьи Чернышевский говорит о том, что полугодичное управление Кавеньяка и «умеренных республиканцев», расчистивших дорогу Наполеону III, «дает много уроков людям, думающим о ходе исторических событий... Нет ничего гибельнее для людей и в частной и государственной жизни, как действовать нерешительно, отталкивая от себя друзей и робея перед врагами».

Это заключение Чернышевского было направлено против представителей русского либерализма конца пятидесятых годов, которые противостояли революционной демократии, стремившейся к свержению самодержавно-крепостнического строя России.

Последовавшие затем статьи «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Тюрго» (1858 г.) и «Июльская монархия» (1860 г.) носили тот же характер. Обращаясь к освещению западно-

европейских исторических событий, Чернышевский имел в виду дать в руки русским читателям богатый материал для параллелей и аналогий. Всюду, где это было возможно, он проводил в этих статьях подобные аналогии и параллели, искусно вуалируя их и обходя таким образом цензурные преграды, препятствовавшие ему открыто писать о политических и социально-экономических явлениях тогдашней России.

Этот прием позволил Чернышевскому в период резкого обострения классовой борьбы в России выступить на страницах «Современника» с критикой политических позиций либерализма и разоблачить либералов как предателей дела народа, как прямых пособников самодержавия.

Читая «Борьбу партий...», передовые русские интеллигенты того времени понимали, что рассказ о событиях, происходивших во Франции, помогает им мысленно дорисовать знакомые черты отечественных либералов, вступивших на путь компромисса с Александром II по вопросу об отмене крепостного права, помогает глубже понять подлинную роль либеральных фразеров, чьи истинные стремления совпадали со стремлениями крепостников и состояли в желании «подчинения народа немногочисленному сословию».

Читая «Тюрго», они видели, что хотя речь в этой статье идет о гнилости и продажности монархического правительства Людовика XVI, но в сущности рассуждения автора могут быть относимы и к правительству русского «венценосца» и к монархическому образу правления вообще.

И, наконец, читая «Июльскую монархию», они невольно приходили вместе с автором к выводу, что только участие широких народных масс может обеспе-

чить успех революционной борьбы, которая неизбежно кончается крахом, если лишена поддержки народа.

«Либералы, совершившие июльский переворот, — писал Чернышевский в статье о Кавеньяке, — не могли бы ничего сделать, если б не помогли им парижские простолюдины. Те же простолюдины дали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века¹. Они же, — продолжает он, — давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только это охлаждение массы к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году».

Решающую роль народа в историческом процессе Чернышевский неизменно подчеркивал и во всех других своих статьях, касались ли они вопросов литературы или политической экономии, философии или истории.

Так было на Западе, так было и в России: «...почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения...»

Вместе с тем Чернышевский стремился подчеркнуть и то обстоятельство, что и на Западе и в России правители и господствующие классы, добивавшиеся с помощью народа тех или иных побед в роковые исторические дни в борьбе с внешним ли врагом, или при внутренних переворотах, всякий раз обманывали потом

---

¹ Словами «старинное французское устройство» Чернышевский обозначает монархию Людовика XVIII, низвергнутую буржуазной революцией 1789 года.

народ и продолжали немилосердно эксплуатировать его, лишая элементарных прав на человеческое существование.

Вывод, к которому подводил читателей Чернышевский, был прост, он напрашивался сам собою. Пока дело освобождения народа не перейдет в руки самого народа, его будут вероломно обманывать монархи, помещики-крепостники, либеральные помещики-«прогрессисты» и либералы-буржуа.

Но в статьях по русской истории и в экономических работах, посвященных промышленности и сельскому хозяйству России, Чернышевскому невозможно было поставить эти точки над *i*. Легче было проводить подобные заключения в таких статьях, как «Кавеньяк» или «Июльская монархия». Цензура спохватилась только после того, как последняя статья была уже напечатана. В докладе, составленном в Главном управлении цензуры в июне 1860 года о направлении «Современника», была отмечена эта статья, особенно ее заключительная часть, где как раз говорилось, что «когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь». Полностью процитировав это заключение Чернышевского, составитель докладной записки добавляет: «Дело ясно, чего хочет автор».

Через два года Чернышевский попытался высказать подобные мысли о русском народе в своих целиком запрещенных цензурой «Письмах без адреса», скрыто обращенных к Александру II: «Вы говорите народу: ты должен идти вот так; мы говорим ему: ты должен идти вот так. Но в народе почти все дремлют, а те немногие, которые проснулись, отвечают: давно уже раздаются

призывы к народу, чтобы он жил так или иначе, и много раз пробовал он слушать призывы, но пользы от них не было. Звали народ выручать Москву от поляков, — народ пошел, выручил, — и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде и не могло быть при поляках. Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, — он победил шведов и завоевал себе вместе с балтийскими гаванями только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона: он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении. Такую же пользу он получал себе и от призывов, которые были после. Зачем же ему увлекаться теперь какими бы то ни было новыми призывами? Он не ждет себе от них другой пользы, как и от прежних... Когда люди дойдут до мысли: «ни от кого другого не могу я ждать пользы для своих дел», они непременно и скоро сделают вывод, что им самим надобно взяться за ведение своих дел. Все люди и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки...»

Тон статей Чернышевского делался все более решительным и твердым, все более гневным и откровенным, все более требовательным и настойчивым.

В «Письмах без адреса» Чернышевский прямо заявлял, что единственным правомочным судьей в исторических делах должен быть народ. Эта блестящая статья впоследствии особо изучалась Карлом Марксом, получившим ее от Даниельсона в рукописном виде. Маркс почти полностью перевел ее на немецкий язык.

Развивая идею о великой творческой силе народа, Чернышевский писал в своей работе «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X»: «Сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа».

Великий революционный демократ не ограничивался признанием борьбы классов движущей силой истории, он стремился вместе с тем всесторонне выяснить ее экономические корни, а выяснив их, он переводил на язык политической экономики и писал в примечаниях к Миллю: «Интересы ренты противоположны интересам прибыли и рабочей платы вместе. Против сословия, которому выделяется рента, средний класс и простой народ всегда были союзниками. Мы видели, что интерес прибыли противоположен интересу рабочей платы. Как только одерживают в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом».

Чернышевского удивляло, что в большинстве исторических работ так скупо говорится «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений».

Однако в первые годы сотрудничества в «Современнике» и в «Отечественных записках» Чернышевскому очень редко приходилось выступать со статьями на чисто экономические и философские темы, что объяснялось, как мы видели, цензурным гнетом, достигшим крайних пределов к концу царствования Николая I.

Кроме отмеченной уже рецензии на книгу А. Львова и еще нескольких небольших статей, Чернышевский до 1857 года не написал по вопросам политической экономики ни одной крупной работы.

В 1857 году, разбирая речь профессора И. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», он с удовлетворением отметил заметно возросший интерес со стороны читателей к политической экономии и подчеркнул, что истины, извлекаемые учеными из наблюдения над экономическими факторами, имеют непосредственное живое отношение к современной жизни общества.

Уже в этой сравнительно ранней статье Чернышевского проводится мысль об эксплуататорском характере капиталистического строя и его непримиримой враждебности интересам широких трудящихся масс.

Он обличает узость понятий буржуазных экономистов, вдавшихся «в гибельную односторонность по вопросу о распределении плодов труда между трудящимся классом и капиталистами».

Используя «речь» буржуазно-либерального профессора Бабста, в которой была обрисована программа развития России по пути капитализма, Чернышевский сумел на ряде косвенных примеров показать в своей статье, что подлинный подъем благосостояния страны немыслим без революционного освобождения русского народа от ярма крепостничества.

С этого времени вплоть до середины 1862 года Чернышевский планомерно разворачивает в обширном цикле своих работ последовательную критику философских, экономических и политических теорий, с помощью которых идеологи правящих классов стремились обосновать свое господство над трудящимися.

Статьи Чернышевского по вопросам политической экономии, печатавшиеся в «Современнике», разоблачали феодально-крепостнический уклад тогдашней России и грабительский характер подготовлявшейся правительством крестьянской реформы.

Программа великого демократа, предусматривавшая свержение царизма и замену его народным правительством, которое осуществило бы национализацию земли и коренную перестройку всех общественных отношений в стране, была на том историческом этапе самой смелой революционной программой.

Мысли Чернышевского о буржуазном общественном устройстве перекликались с высказываниями его предшественников и учителей — Герцена и Белинского, которые, подобно ему, были непримиримыми врагами капитализма.

Главные политико-экономические работы Чернышевского — «Капитал и труд» и примечания к Миллю — по общему духу своему родственны соответствующим высказываниям в статьях Герцена и в письмах Белинского (последнего периода его жизни).

Капиталистическая эксплуатация трудящихся, в глазах Герцена, была «одной из форм антропофагии» (людоедства), а буржуазная политическая экономия — «наукой» о средствах обогащения класса капиталистов, которая создала для объяснения и оправдания ужасающего положения трудящихся архиреакционный «закон» Мальтуса. Опираясь на эту человеконенавистническую теорию английского экономиста, утверждавшую, что тяжелое положение трудящихся масс будто бы не зависит от капиталистического строя и что устранение социальных бедствий возможно только путем искусственного сокращения народонаселения, буржуазная политическая экономия, по образному выражению Герцена, говорила нищему: «Не женись, не имей детей, поезжай в Америку, работай 12 часов или умирай с голоду».

Не менее гневны были обличительные высказывания Белинского, писавшего в одном из последних своих

писем: «Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»

Учение Чернышевского продолжило, развило эти благородные традиции великих русских революционных демократов, страстно желавших блага родному народу и всему человечеству.

Так же как Герцен и Белинский, автор «Капитала и труда» не обманывался относительно истинного характера «экономической гармонии», провозглашавшейся устами тех, кто «усерднее всего проповедывал в пользу банкиров и негоциантов». Он беспощадно высмеял лжеученых, которые стремились доказать, что «бедным не на что жаловаться, что каждый работник получает надлежащее вознаграждение, что если и есть на свете люди, получающие меньше, чем им следовало бы, то эти люди не какие-нибудь ткачи, швеи, земледельческие батраки, — нет, а капиталисты, рантье, фабриканты, банкиры и другие обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающие зависть в неразумных чернорабочих».

Развенчивая апологетические писания вульгарных экономистов о «гармоническом» развитии буржуазной экономики, Чернышевский давал яркую картину глубоких противоречий, разъедающих ее, приводящих к периодическим кризисам перепроизводства, к обнищанию трудящихся: «...дух спекуляции влечет общество к отчаянному риску, кончающемуся коммерческими кризисами... Рынки завалены товарами, не находящими сбыта, фабрики запираются, и рабочие остаются без хлеба. Все открытия науки обращаются в средства порабощения, и оно усиливается самим прогрессом:

пролетарий делается просто рукояткою машины и беспрестанно бывает принужден жить милостынею...»

В противовес буржуазной политической экономии, банкротство которой, по словам Маркса, мастерски раскрыто в работах Чернышевского, великий русский революционный демократ разрабатывает основы «политической экономии трудящихся».

В свете этой поставленной перед собою задачи он критически пересмотрел основные категории политической экономии капитализма.

Все научно ценное в трудах классиков буржуазной политической экономии было творчески использовано великим русским ученым, который умел с диалектической гибкостью подходить к наследию прошлого, проныцательно различая сильные и слабые стороны прежних учений. «Как в истории общества, — замечает он, — каждый последующий фазис бывает развитием того, что составляло сущность предыдущего фазиса, и только отбрасывает факты, мешавшие более полному проявлению основных стремлений, принадлежащих природе человека, так и в развитии теории позднейшая школа обыкновенно берет существенный вывод, к которому пришла прежняя школа, и развивает его, отбрасывая противоречившие ему понятия, несообразность которых не замечалась прежнею теориею».

Чернышевский с поразительной прозорливостью показал в своих трудах по политической экономии классовую ограниченность школы Адама Смита и Рикардо.

Анализируя формулы, выработанные этими учеными, Чернышевский с присущей ему силой логики вскрывал таившееся в этих формулах внутреннее противоречие общему духу учения и вкладывал в эти очищенные от противоречий формулы новое содержание в социалистическом духе.

Вот, например, как решал он задачу распределения ценностей, которую не могли разрешить классово-ограниченные представители буржуазной политической экономии. Чернышевский писал в «Капитале и труде»: «...теория трудящихся (так будем называть мы теорию, соответствующую потребностям нового времени, в противоположность отсталой, но господствующей теории, которую будем называть теорией капиталистов) главное свое внимание обращает на задачу о распределении ценностей. Принцип наивыгоднейшего распределения дан словами Адама Смита, что всякая ценность есть исключительное произведение труда, и правилом здравого смысла, что произведение должно принадлежать тому, кто произвел его. Задача состоит только в том, чтобы открыть способы экономического устройства, при которых исполнилось бы это требование здравого смысла».

Многогранное творческое наследие Чернышевского было высшим достижением русской революционно-демократической мысли домарковского периода.

В отличие от западноевропейских социалистов-утопистов, зараженных неверием в народные массы, Чернышевский видел в народной революции единственно возможный путь к освобождению труда от власти эксплуататоров.

Карл Маркс чрезвычайно высоко ценил труды великого русского ученого. Революционер-народник Г. Лопатин свидетельствует:

«Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; он случайно натолкнулся

на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения».

«В течение около полувека, — говорит В. И. Ленин, — примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹

Среди предшественников научного социализма в России Чернышевскому по праву принадлежит одно из первых мест. Продолжая материалистические традиции русской философской мысли, идущие от Ломоносова и Радищева, а затем Герцена и Белинского, Чернышевский развил и обогатил их новыми революционными выводами. Его философия — это острое орудие

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 9.

политической борьбы за преобразование жизни. Размах и последовательность материалистических воззрений Чернышевского, его стремление тесно связать философию с революционной практикой возвышали его над современниками, западноевропейскими мыслителями.

Ленин, чрезвычайно высоко ценивший философское наследие Чернышевского, твердость и последовательность его мировоззрения, отмечал, что «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹.

Революционер Чернышевский с жаром выступил против идеалистической философии. Критикуя мировоззрение Гегеля, Чернышевский, однако, отмечал то положительное, что заключалось в его диалектике. В отличие от Фейербаха он не отбросил гегелевскую диалектику целиком, а все рациональное в ней использовал.

Но создать материалистическую диалектику смог только марксизм-ленинизм, коренным образом переработавший диалектику Гегеля, давший ей совершенно иное обоснование. Представления Чернышевского о законах движения природы и — в особенности — общества еще не были свободны от идеализма, от идеалистических схем: например, знаменитая статья «Критика философских предубеждений против общинного владения», где «смена форм» не получила еще конкретно-исторического обоснования, где диалектика исторического процесса скорее гениально отгадана, чем

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 346.

раскрыта в своем реальном содержании. Иначе и не могло быть: Чернышевский не поднялся до историко-материалистического учения о социально-экономических формациях, хотя сделал большой шаг по пути к материалистической диалектике.

Рассматривая мир и, в частности, общественную жизнь в постоянном движении и развитии, Чернышевский видел неизбежность гибели феодально-крепостнического строя и вооружал революционеров твердой верой в грядущую победу «Пусть будет, что будет, — писал Чернышевский, — а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!»

Руководствуясь диалектикой, он утверждал, что общественное развитие — это «смена форм», которая «состоит в переходе от низшего к высшему. Старые общественные отношения, коль скоро они переставали соответствовать новым условиям жизни людей, заменялись в истории новыми общественными отношениями». Воспитывая революционеров, Чернышевский говорил им, что необходимо опираться в своей борьбе на новые силы: «Что отжило свой век, к тому не обратятся живые силы, то будет предметом любви и насыщения для людей тупых или своекорыстных; около трупа собираются только коршуны, и кишат в нем только черви».

В своих философских исканиях Чернышевский высказывал глубочайшие мысли о противоречивости явлений, о наличии в них взаимопротивоположных моментов и тенденций. «.. Мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд: таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех

сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений».

Исходя из диалектической взаимосвязи и взаимозависимости предметов и явлений окружающей жизни, Чернышевский подчеркивал, что отвлеченной истины нет, истина конкретна.

Хотя он с присущей ему скромностью называл себя учеником Фейербаха, на деле же его материалистические взгляды были более последовательны, чем взгляды Фейербаха. Мышление Чернышевского диалектично. Наиболее характерной чертой фейербаховского материализма была созерцательность, непонимание активной, преобразующей роли человека. А по убеждению Чернышевского, философия, как и всякая другая отрасль науки, должна не только объяснять мир, но и наметить пути его революционного изменения. Его мировоззрение не знало разрыва между теорией и революционной практикой. Выступая против агностицизма и скептицизма, он говорил: «Дело есть истина мысли... что подлежит спору в теории, начистоту решается практикою действительной жизни». «Практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли».

Революционный демократизм, применение философии к революционной деятельности помогли Чернышевскому преодолеть ограниченность взглядов своих западноевропейских предшественников и современников.

С наибольшей полнотой основы философских воззрений Чернышевского изложены в его знаменитой работе «Антропологический принцип в философии», имевшей большое значение для распространения материализма в России.

В этой статье, явившейся как бы теоретическим манифестом русской революционной демократии, Чернышевский, исходя из данных естествознания и философии, боролся с дуализмом, провозглашая единство человеческой природы: «...медицина, физиология, химия .. доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет».

Вооруженный диалектическим методом мышления, Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии» показывает всеобщую связь и взаимодействие явлений бытия, непрерывный процесс изменений, происходящих в природе и в жизни

Развивая мысль о материальном единстве мира, Чернышевский не отождествлял, однако, как это делали вульгарные материалисты, психические явления с физическими. Он различает два рода явлений: явления так называемого материального порядка и явления нравственного порядка, подчеркивая, что «соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей»

Во враждебном лагере философов-идеалистов статья эта была встречена ожесточенными нападками в различных журналах, принимавшими порою характер прямых доносов на ее революционную направленность.

Ответом Чернышевского на эти нападки были его знаменитые «Полемические красоты», в которых он едко высмеял тщетные попытки реакционеров дискреди-

тировать социально-политические и философские взгляды революционной демократии.

В Главном управлении цензуры было отмечено, что «Антропологический принцип в философии» относится к разряду «статей, противодействующих коренным основам нашего устройства гражданского и общественного». Цензору, пропустившему в «Современнике» эту статью, была поставлена на вид его оплошность.

Важной чертой философских взглядов Чернышевского является попытка материалистически объяснить общественную жизнь и ее закономерности. Однако эта задача полностью была решена только основоположниками мировоззрения рабочего класса — К. Марксом и Ф. Энгельсом. «Антропологический принцип в философии», сыгравший значительную роль в борьбе против идеализма и религии, несостоятелен в применении к человеку как существу общественному, так как он не раскрывает полностью общественно-исторической природы человека. В понимании ее Чернышевский не преодолел до конца идеалистического взгляда, не указал на способ производства как на основу общественной жизни и общественного развития. Он считал, что последние зависят не от способа производства, а от того, насколько общество просвещено. Сознавая, что классовый антагонизм является наиболее существенной чертой общественной жизни, указывая на неизбежность борьбы классов, Чернышевский не сумел все же выделить из общей массы трудящихся пролетариат и противопоставить его классу капиталистов. Он считал, что Россия придет к социализму «самобытным» путем, через крестьянскую общину.

Ленин называл Чернышевского величайшим утопическим социалистом домарковского периода. В отличие от великих утопистов-социалистов Запада Чернышев-

ский признавал неизбежность революции, был революционным демократом и поэтому пошел по сравнению с ними значительно дальше.

В капиталистическом обществе Чернышевский не мог обнаружить той силы, которая призвана стать могильщиком старого общества. Но этого и нельзя было требовать от Чернышевского. В ту эпоху в России еще не существовало пролетарского освободительного движения. Чернышевский выражал интересы русского крепостного крестьянства. Естественно, что он не мог подняться до диалектического материализма, который явился мировоззрением марксистско-ленинской партии. Его заслуга состоит в том, что среди своих современников он ближе других подошел к диалектическому материализму. Этим и объясняется огромная действенность его идей, воспитавших целые поколения революционеров, подготовивших почву для возникновения марксизма-ленинизма, оказавших огромное влияние на движение русской науки и культуры.

